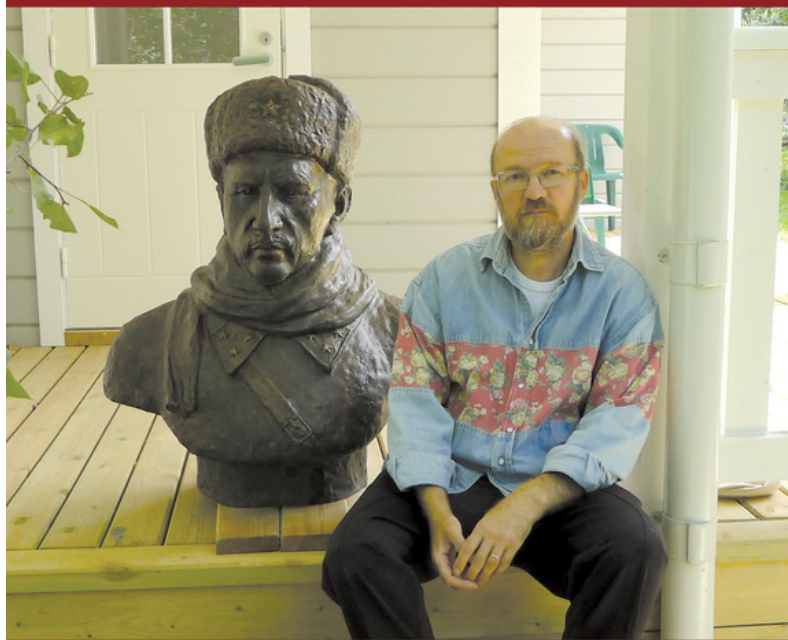

АЛЕКСАНДР ШИПКОВ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК РОССИИ

Взгляд из Тарусы

Александр Владимирович Щипков

Бронзовый век России.

Взгляд из Тарусы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12217895

Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы: Русская культура; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-905618-08-6

Аннотация

Книга «Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы» посвящена трудному процессу преодоления социального кризиса. Картина культурного и политического ландшафта страны дана как взгляд из маленького русского города Тарусы, в котором живет автор, и где сплелись воедино судьбы военных, ученых, писателей, диссидентов. Идеино-смысловая ось книги – исследование такого уникального явления русской культуры как Бронзовый век, феномен которого выходит далеко за рамки литературы, наполняясь историческим и социальным содержанием. Каждая глава этой искренней книги открывает читателю малоизвестные, но от того не менее значительные явления русской жизни. Читатель узнает, сколько в России верующих и почему всегда, во все времена их насчитывается 85 %, в чем состояли ошибки постсоветской интеллигенции, каковы истоки современного

нацизма и почему происходит синтез левой и консервативной идей. Это сборник текстов о русской культуре, религии и политике. Все они, за исключением вводного, написаны в форме интервью, что облегчает восприятие подчас сложных идей и делает их доступными самому широкому кругу читателей. Книга издана по инициативе и при поддержке Всемирного русского народного собора.

Содержание

От издателя	6
Бронзовый век и аксиомодерн	8
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Щипков
Бронзовый век России.
Взгляд из Тарусы

© Щипков А. В. 2015

* * *

От издателя

Книга известного российского общественного деятеля, политолога и публициста Александра Щипкова «Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы» посвящена трудному процессу преодоления социального кризиса, в котором наша страна находится уже более четверти века. По жанру это сборник концептуальных текстов о русской культуре, религии и политике. Однако все они, за исключением вводного, написаны в форме интервью, что облегчает восприятие подчас сложных идей и делает их доступными самому широкому кругу читателей.

Картина культурного и политического ландшафта страны дана как взгляд из маленького русского города Тарусы, где живет автор и где сплелись воедино судьбы многих известных людей: военных, учёных, писателей, диссидентов. Географическая дистанция необходима: ведь большое видится на расстоянии.

Идейно-смысловая ось книги – исследование такого уникального явления, как русский Бронзовый век. В силу ряда политических обстоятельств наступление этого периода было задержано или, как выражается автор, «подморожено». Изучение эпохи, современниками которой нам выпало быть, Александр Щипков начинает с литературной ситуации 1970–1980-х. Провозвестниками нового века становятся ле-

нинградский поэт Олег Охупкин и московский архивариус русской поэзии Слава Лён.

По мере чтения глав этой книги становится ясно, что феномен выходит далеко за рамки поэзии и литературы вообще. Бронзовый век, определяемый как состояние субрелигиозности, проявляется также в сфере общественных нравов, политических споров и влияет на пробуждение исторической памяти. Одно из свидетельств этому – появление в подмосковной Тарусе памятника генералу Михаилу Ефремову, «не предавшему Родину и солдат», прямому антиподу печально известного генерала Власова. Следующий шаг на этом пути – памятник Николаю Заболоцкому, поэту, фактически открывшему в России «бронзовую» эпоху, согретую теплом веры и причастности.

Каждая глава этой искренней книги открывает читателю малоизвестные, но от того не менее значительные явления русской жизни. Показательна история о борьбе петербургской общественности за право поставить храм на месте блокадного крематория: военная святыня и святыня религиозная как единое целое – важнейшая черта Бронзового века. Читатель узнает, сколько в России верующих, почему всегда, во все времена их насчитывается 85 %, в чём состояли ошибки постсоветской интеллигенции, каковы истоки современного нацизма и почему происходит синтез левой и консервативной идей. А. Щипков вводит новое понятие *аксиомодерн*, смысл которого вы поймете, прочитав эту книгу.

Бронзовый век и аксиомодерн (вместо предисловия)

В почти уже легендарные «девяностые» на фоне сворачивания долгосрочных культурных проектов расцветал «клуб стайл». Проводились трогательные уютные поэтические фестивали и маленькие конференции, на которых обсуждали Бродского («ах, ещё не так давно он был только в самиздате») и Серебряный век («ах, он был совершенно недооценён»). Историческую несправедливость спешили исправить – и дооценить.

Серебряный век, несмотря на свою декадентскую «тональность», воспринимался как эталон и своеобразная матрица грядущего ренессанса. Подтекст был такой: культурное поле выжжено тоталитаризмом, поэтому надо мысленно вернуться к последним «тучным» для культуры годам, а это начало века. И тогда возможен новый расцвет. На том и стояли.

Между тем литературный процесс в постсоветской «новой» России становился делом всё менее престижным и востребованным. Новые литературные премии вроде «Русского Букера» становились междусобойчиком и полем клановых разборок внутри «тусовки» – в те годы само слово «тусовка» считалось едва ли не атрибутом респектабельности. Писательское сословие обречено было работать для всё более

узкого круга, и гуманитарное сообщество по сути оказывалось в культурном гетто, но предпочитало считать себя элитарным закрытым клубом. Так было психологически проще.

Выстраивалась потребная моменту мифология, влиявшая в том числе на спектр интересов. Приоритет отдавался явлениям, так или иначе подвергавшимся в советское время замалчиванию, дискриминации.

Слава Лён. Исторический контрапункт

Идею Бронзового века концептуализировал поэт Слава Лён – собиратель, исследователь и архивариус современной русской поэзии. Он появлялся на гуманитарных собраниях, предлагая общественности тщательно выстроенную схему, согласно которой, по его мнению, эта поэзия развивалась. Эту схему он убедительно рисовал на ватмане. Там были обозначены все течения, школы и «школочки» – от хрестоматийных символизма-акмеизма до современных концептуализма и квалитизма.

Из схемы Лёна следовало, что с 1953-го по 1989-й год в России продолжался Бронзовый век – новая эпоха, когда поэзия вновь осваивала утраченные глубинные и универсальные смыслы. Тогда я не мог ещё в полной мере оценить точность и глубину этой концепции; это произошло несколько позже.

После века Серебряного следует особый период, связан-

ный, в частности, с футуризмом. На мой взгляд, футуризм – это переходное состояние: уже не серебро, ещё не бронза. Скорее, некое выгорание плавильной печи. Динамическая пауза в смене эпох.

Это промежуточное положение не помешало футуризму и конструктивизму убить эстетику Серебряного века. Кружева декаданса расплзлись и сгорели в огне футуристических домен.

Но это была лишь прелюдия.

Сам Бронзовый век берёт начало в 1950-е. Он вызван к жизни многими факторами. Это и естественное ослабление поэтических влияний начала века, и война. «Вставай, страна огромная!»... – тут уж не до искр снега на зубцах акмеизма. И Победа 1945 года, создавшая в сознании людей образ святой коллективной жертвы. И смерть Сталина с окончанием жёстких идеологических «заморозков».

В обычных условиях всё это вполне могло бы закончиться расцветом религиозной лирики – но не в условиях СССР и продолжающихся антирелигиозных гонений. Избирательная хрущёвская «оттепель» распространялась, разумеется, не на всех и не все темы «открывала». Тем не менее поэзия в это время получает заряд новой сакральности и новой искренности; поэты вновь учатся говорить о горних, не сиюминутных вещах, пусть и без явных библейских мотивов.

Сказываться эта сакральность могла по-разному и очень долго – на протяжении 1960–1970-х. Вот простой пример.

Однажды в 1970-е легендарный Давид Самойлов резко отчитал молодого поэта Владимира Бурича, едва не отказав ему в праве писать стихи, вот за такие строки:

Мир наполняют
послевоенные люди
послевоенные вещи
нашёл среди писем
кусок довоенного мыла
не знал что делать
мыться
плакать

Очевидно, Самойлова задела та невыносимая легкость, с которой Бурич своим вальжным верлибром касался военной темы. Она была как выстрел.

Откуда здесь ощущение кощунства? Дело в том, что тема войны для человека «бронзового» периода имеет особый смысл. Эта тема сопоставима с мотивом распятия, хотя сопоставление и не могло быть прямо высказано. Но на глубинном уровне считывалось. Человек с историческим гражданством века Серебряного – а такие оставались до конца советского периода – отнёсся бы к этому тексту гораздо спокойнее. Взвесил бы на весах эстетического чувства и оставил в покое. В этом – разница.

Олег Оханкин. Новая сакральность

Концепция «бронзовой» эпохи была составлена упомянутым Славой Лёном на основании источников, пребывающих в самом литературном пространстве. Бронзовый век – во многом поэтическое самоназвание. Сегодня его хронология выстраивается автоматически – бери и пользуйся. Как, например, у Ирины Сидоренко:

И век золотой пьянит –
Там болдинская осень,
Сусальный шелест битв
На нерчинском погосте...

Век звона серебра:
Вино и опий – в строчки!
В смерть крестит снег! –
«Ура» – людские многоточья...

И – бронзовый! – как мечь
За миллион насилий.
Вернём красу и честь?
И мозг спинной – без гнили?

Это нынешние перепевы, уже ставшие привычными. А начиналась коллективная ода Бронзовому веку в 1975 году

с поэмы моего друга, великолепного Олега Охапкина, которая так и называлась – «Бронзовый век»:

Он исторгнул из Храма лишних.
Торговавших талантом, чтобы
Воцарился в сердцах Всевышний,
А в торгующих – дух утробы.
И пошли по домам поэты.
Те, кто Бога встречали – с миром,
А купцы разбрелись по свету
Золотому служить кумиру.
Разбрелися по всем дорогам.
Приступили ко всем порогам,
И на бронзовосерых лицах
Тихо бронзовый век горел.

У Охапкина речь идёт о поэтах, которых коснулся Христос, – они вновь почувствовали Божье дыхание. Вернули жизни религиозную составляющую, которая была утрачена в декадансе, отвергнута в футуризме и тщательно замаскирована в советской литературе. Хотя после войны это чувство всколыхнулось. В охапкинском «Бронзовом веке» есть даже список имён его собратьев по цеху, отливших свои стихи в «бронзу»:

Красовицкий, Ерёмин, Уфлянд,
Глеб Горбовский, Соснора, Кушнер...
Макинтошами, помню, услан

Путь Господень в живые души.
Рейн да Найман, Иосиф Бродский,
Дмитрий Бобышев да Охапкин
Наломали пред Ним березки,
Постилали цветов охапки.
Ожиганов, Кривулин... Впрочем,
Дальше столько пришло народу.
Что едва ли строфу упрочим,
Если всех перечислим сряду.

Куприянов Борис да Виктор
Ширали... Стратановский, кто же
Не вспомянет о них! Без них-то
Было б грустно. Скажи, Сережа...
Чейгин, Эрль... может. Лён иль кто-то
Из других: Величанский, либо
Кто ещё, но открыл ворота
Всей процессии. Всем спасибо.
И когда Он вошёл в сердца нам.
Мы толпою пред Ним стояли.
Но дружиною стали, кланом.
Чуть бичи Его засвистали.

Легко заметить, что в этих «святцах» нет «официальной фронды», нет ни одного поэта Политеха. И это закономерно. Взять хотя бы Андрея Вознесенского. Невероятно талантлив. Но в какую сторону он идёт? Играет в футуризм, издаёт «Треугольную грушу». Потому что Маяковский – это сим-

вол, и подражание ему давало карт-бланш на эксперимент в известных рамках. Но по сути это был шаг назад, а не вперёд.

А у Олега Охупкина перечислены те, кто был готов всерьёз свидетельствовать о мире перед Богом. И тем не менее всех перечислять – не хватает стиха. Но главные современники века уже названы, и будущие составители хрестоматии избавлены от необходимости лишний раз лезть в справочники.

Охупкин чётко и уверенно проводит границу, отделяющую его «бронзовую» эпоху от прошлой, «серебряной». Но делает он это не в основном тексте, а за его пределами, в эпиграфе, создавая таким образом поэтическую «рамку». Для эпиграфа взяты строчки из «Поэмы без героя» Анны Ахматовой, бесспорной королевы века предшествующего:

На Галерной чернела арка.
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.

Это как запись на полях. В поэме «Бронзовый век» Охупкин тоже обыгрывает тему арки («На Галерной *пылала* арка») – сквозная связь времён? Получается: связь – через отталкивание.

Борьба за признание

Собственно именно Олег Охупкин и создал понятие Бронзового века, почувствовал его и дал ему название. Разумеется, всего этого недостаточно. Чтобы определить рамки явления профессионально, а не поэтически, нужен был кто-то, кто сумеет выйти за пределы поэтического цеха. Этим человеком и стал Слава Лён. Практически он оказал потомкам ту же услугу, которую когда-то оказал им и Николай Оцуп, за столбивший название соседней эпохи в своей статье «Серебряный век русской поэзии», впервые напечатанной в 1933 году в парижском журнале «Числа».

А вот масштабная поэтическая антология «Бронзовый век русской поэзии», составленная Лёном, увидела свет лишь в 2013 году (Бронзовый век русской поэзии. – Спб.: ВВМ, 2013). Причём судьба всей той масштабной работы с наследием Бронзового века, которую много лет подряд осуществлял автор, оказалась непростой. Это сейчас лёновская концепция – свершившийся научный факт. А в 1990-е просветительская деятельность Славы Лёна вызывала разные реакции в среде постперестроечных гуманитариев. Так, на одном из литературных диспутов один филолог саркастически возразил Лёну, предлагая поменять на его схеме временную шкалу на «степени возрастания градуса». Возражение, может быть, и остроумное, но явно не по существу...

Приходилось в разное время встречать и другие возражения. Например, что, мол, понятие «Бронзовый век» утверждает идею ухудшения и деградации: вслед за Бронзовым и Железным должны идти «плохонькие» века без имени.

В этих рассуждениях проявляется культур-шовинизм новейшей культурной бюрократии. Во-первых, отказывая Бронзовому веку в праве так называться по причине якобы нисходящей оценочности, за веком Серебряным то же самое право охотно оставляли. Хотя «серебро» символически тоже менее ценно, чем золото. И логика подсказывает: возражение против «бронзы» рикошетом бьёт и по серебру. Вывод прост: надо или вовсе избавляться от шкалы нисходящих оценок и упразднять названия всех эпох или, сохраняя её, наделить Бронзовый век общими правами. Но этого не происходит. Что можно «серебру», того нельзя «бронзе». «Серебряный запас» русской литературы якобы должен считаться неиссякаемым.

Однако Бронзовый век вовсе не обязан считаться менее «ценным», чем его исторический предтеча. Скорее наоборот. Серебро – холодный металл. Бронза – тёплый. Она как бы хранит в себе частицу золота. Стремится на свой лад изобразить свойственную «золотому» периоду полноту и теплоту бытия. То есть наследует классическим ценностям Золотого века, хотя и через поколение. У Серебра – иная задача: совершенство, симметрия, отточенность языка. Игра форм и смыслов, из которых надо сложить слово «Веч-

ность». Но не более.

Люди с системным мышлением проявляли интерес к концепции Лёна, но статусным гуманитариям она совершенно не нравилась. Хотя бы потому, что у них уже были свои обобщающие схемы и делиться почётной ролью создателей дефиниций никому не хотелось. Лёновский же подход явно диссонировал с тем, что уже было принято и возведено в канон.

Согласно этому канону история русской поэзии, да и культуры в целом рассматривалась как бы сквозь призму Серебряного века. И этому веку было предписано длиться и никогда не заканчиваться – продолжаться вечно, пусть даже в форме осознанного и неосознанного подражания, что, в общем-то, опиралось на некоторые объективные факты литературной реальности. Ведь никто не возьмётся отрицать следы сильного влияния Цветаевой в стихах Беллы Ахмадулиной или следование за Маяковским Андрея Вознесенского. Другое дело, что эта «затухающая серебряная» линия в литературе была, мягко говоря, не единственной. Но никакая другая кураторам культурного процесса была просто не нужна. Музейное отношение к культуре побеждало. Серебряный век должен был длиться покуда стоит мир.

А остальные должны ждать, когда кончится этот затянувшийся декадентский век.

Партийная организация и партийная литература

Наверное, излишне говорить о том, что вожди новой генерации начальников-гуманитариев в точности воспроизвели советскую модель отношения к культуре, ориентированную на отсев всего идеологически чуждого. Всё «выдержанное» и пригодное к употреблению берётся в расчёт, остальное игнорируется. Новые люди в гуманитарной сфере активно боролись за влияние с бывшими советскими институциями, но продолжали мыслить и действовать в рамках прежней парадигмы. Просто эта парадигма была ими присвоена или, если угодно, приватизирована, словом – перевёрнута и переделана под себя.

В связи с этим цензурно-идеологическим перевёртышем необходимо сказать несколько слов о так называемой «советской литературе». На самом деле, по моему глубокому убеждению, такой литературы не существовало. Была и есть русская литература советского периода. «Советская литература» – миф, который вначале был выгоден советской власти, а затем и её противникам. Он помогал отделять удобных от неудобных, агнцев от козлиц.

Понятие «поэт Серебряного века» со временем стало играть точно такую же роль: из термина оно превратилось в знак качества. Точнее, доброкачественности. Стало синонимом «поэта первого сорта». При этом Твардовский, Са-

мойлов, Слуцкий или Багрицкий считались поэтами классом ниже. Ещё сложнее было с поэтами андеграунда, сформировавшимися в советскую эпоху. При таком подходе очевидно, что Бронзовый век был не нужен и неинтересен литературным начальникам как в советский, так и в постсоветский периоды.

В советскую эпоху это утверждалось административно-приказным порядком. В 1990-е по-другому – средствами медийного влияния, поскольку уже вступил в силу принцип: если тебя нет в информационном поле, тебя нет вообще. Так или иначе аллергия на «несистемные» культурные явления оставалась формой идеологии и в «новой» России.

Поначалу я думал, что «ответственным» людям просто очень не хочется возиться с новой грудой литературных фактов. Позднее понял, что причины гораздо более глубокие. Инстинктивное неприятие любых разговоров на тему Бронзового века – не проявление академического обскурантизма. Дело в том, что эта постановка вопроса ломает готовый сценарий культурных исследований. В рамках этого сценария Серебряный век – что-то вроде «осевого времени» или «точки отсчёта». Матрица Серебряного века – не в обиду его почитателям будет сказано – превратилась в новый идеологический стандарт для просвещённой публики.

Навязывалась эта матрица с помощью элементарной подмены. Серебряный век – безусловно, интереснейший и богатый на художественные открытия период русской куль-

туры – использовался в совершенно не свойственной ему функции – как идеологическая рамка. Для этого требовалось максимально передвинуть вперёд по исторической шкале его верхнюю границу, неявно вписывая в этот отрезок то, что просто не могло к нему относиться, иную культурную реальность.

Протесты не принимались. Они отклонялись с помощью эмоциональной аргументации: «Ну что вы, как можно! Начало века – это наше всё. А через несколько лет, вообразите: большевистская смута, крах, тёмные века варварства». Трагическая коллизия «цветение Серебряного века против большевистского варварства» перекидывалась из начала века в наше время.

Иными словами, модель разделённого исторического времени, модель «разрыва традиции» использовалась уже второй раз. Вначале она была востребована советским официозом. Затем, уже с противоположного конца – либеральным «антисоветским» официозом, вышедшим всё из той же советской шинели.

Задержанная эпоха. Новые заморозки

Понять происходящее до конца в то время мало кому повезло. Только теперь становится понятно, что адепты «исторического декаданса» подморозили движение культуры.

В России существует экзотическая историсофская традиция, описывающая линию национального развития как смену «заморозков» и «оттепелей». С этих позиций при желании можно объяснить всё, что угодно. Так, Серебряный век происходил в ситуации относительных «заморозков» (1905–1916). Но период конца 1990-х на фоне «оттепели» 1980-х означал «заморозки», в том числе и для самой культуры, которая просто была полностью маргинализована. А шоковая терапия с разгромом индустрии, стрельбой из танков в 1993-м, печально известным «письмом 42-х», по концентрации ненависти не уступавшим коллективным призывам сталинского времени, – всё это позволяет говорить не об оттепели, а о новых масштабных заморозках, которые не кончились и сейчас.

Иллюзия оттепели обернулась ледниковым периодом. Но если те, старорежимные заморозки культуре как бы не мешали, а фи́га в кармане даже развивала способность к метафоризации, то нынешние холода привели к вымерзанию эстетических ростков до самых корней. Произошла заморозка тех точек роста, которые должны были дать всходы в «девяностые» – «нулевые». Но не дали. Это и есть наш задержанный Бронзовый век.

Ведь как рассуждали на излёте перестройки? Вот сейчас сдёрнут с науки удавку марксизма-ленинизма – и она расцветёт. Гуманитарии будут свободно просвещать нацию, проводить высокую культурную политику... Удавку сняли, а утро

не наступило. Вернее, наоборот. Если в СССР гуманитариев контролировали идеологически – в 1990-е их просто вышвырнули за пределы «нового дивного мира», сделав их лишними людьми. Музыкантам столичных оркестров пришлось стать бомбилами и челноками... Имена Лотмана, Лихачёва и иных потускнели в сознании интеллигентного обывателя. Потому что когда отечественную культуру пускали под нож, они за неё не вступились. Так в России свершилось то, что на Западе принято называть предательством интеллектуалов.

То же и в поэзии. В 1990-е годы её развитие приостановилось, словно было искусственно задержано. После Кривулина, Охупкина, Бродского... Бронзовый век не породил сопоставимых по масштабу фигур. Он длился, но редко плодоносил. Произошло это, судя по всему, по причине «заморозки» 1990-х, благодаря которой развитие Бронзового века было искусственно задержано, а престиж высокой культуры в обществе в целом искусственно занижен.

И эта ситуация в целом сохраняется до сих пор.

Легко объяснить моду на верлибр, распространившуюся в 1990-е – 2000-е. Только работая над верлибрами, можно было попасть в поле зрения западных славистов. И это были не те верлибры, которые сочинялись во время оно французскими символистами. Здесь главная задача – заменить поэтическую речь фрагментами бытовой, профанной речи. При этом максимально расширив, а значит, отменив грани-

цы эстетического. Так при абсолютных монархиях в XVI веке были утеряны границы исторического. В историю «записывалось» всё: с какой ноги встал монарх, какого цвета туфли он надел и что ел на обед. «Это достойно истории!» – восклицали придворные хронисты. Всё было достойно истории. Но всё значит ничего. Так история государства превращалась в нечто вроде Марлезонского балета на тему королевской охоты на дроздов...

Или вот молодёжная субкультура 1990-х. Это ведь тоже декаданс, только сильно приземлённый. Молодёжная субкультура была потребительской, завязанной на клубной индустрии с танцевально-наркотическим репертуаром. А рядом – приезжие западные звёзды, вышедшие в тираж на родине, но с удовольствием играющие для «этих русских». Всё вроде бы движется – и всё стоит на месте.

Жертва. Возвращение в историю

Что Бронзовый век – не только литературное, но и социально-историческое понятие, мне стало ясно несколько позже.

Тут сыграла свою роль драматичная история, связанная с Парком Победы в Петербурге. В Парке Победы горожане хотели возвести храм на месте, где стоял Блокадный крематорий. В течение 15 лет им мешала городская власть. Вот это сочетание, этот грандиозный резонанс – память о жертвах

и мучениках войны и память о жертве Нового Завета – впервые осветило для меня всю суть Бронзового века как новой эпохи. Это было возвращение к моральным глубинам русской традиции, где всякая жертва – напоминание о Его жертве. Так зарастал исторический разрыв между традицией советской и дореволюционной, собирались воедино разные части народного тела. Это было возвращение к глубинным смыслам. «Так вот что такое Бронзовый век», – подумал я тогда.

Не стану подробно рассказывать о том, как горожане ставили крест на месте будущего храма, как этот крест сжигали и выкорчёвывали торговцы шаурмой – новые хозяева жизни, с которыми в то время прекрасно уживались новейшие поклонники русского декаданса. Но храм построили. Добились. Для меня это одна из важнейших вех нашего Бронзового века. Особенно актуальна эта связь сейчас, когда фашизм реабилитирован и легализован на международном уровне.

А тогда я вновь ощутил радость Победы над фашизмом как отголосок другой Победы – Сына Человеческого над смертью. Этот синтез – пропуск для нашего возвращения в Историю. Начинается возвращение с нравственного консенсуса в обществе, и важнейший предмет консенсуса – собственная история.

Взгляд из Тарусы

Впоследствии я увидел, насколько труден этот консенсус — на примере жизни малых русских городов, прежде всего — родной для меня Тарусы. И здесь я тоже наблюдал и наблюдаю признаки задержанной эпохи, которая давно должна была наступить, но пока не наступает. Ещё Паустовский поднял тему спасения малых городов. А распутинское «Прощание с Матёрой» как будто оттенило эту тему.

Моя любимая крошечная Таруса. Макет Большой России. Здесь жили и оставили свой след Поленов, Борисов-Мусатов, Ватагин, Цветаев, Паустовский, Заболоцкий, Рихтер... Я видел, как плакал мужчина возле памятника генералу Ефремову, положив руку на бронзовую надпись «Не предавшему Родину и солдат». А сколько ещё сыновей Таруса отдала Великой Отечественной, Афгану, Чернобылю...

Концепция развития Тарусы менялась, отражая как в капле воды бурление всей России. На сломе 1991-го бродила идея сделать основным трендом диссидентскую тему 101-го километра. Поэтесса Татьяна Мельникова назвала Тарусу «диссидентской столицей», и действительно — «политические» в разные годы проживали здесь десятками, если не сотнями: статусные Александр Гинзбург, Лариса Богораз и менее известные, такие как моя любимица, женщина отчаянного характера Валентина Ефимовна Машкова. По ули-

цам Тарусы бродили Солженицын и Амальрик, Марченко и Осипов, Ковалёв и Балахонов, Горбаневская и Крахмальникова... И тут надо бы сказать, что советское диссидентство, как бы резко это ни звучало – это тоже богема, с культурной богемой тесно связанная. С одной стороны, Сахаров и Синявский. С другой – Аверинцев и Глазунов. Свой кодекс, своя диссидентская этика, «династические» диссидентские браки. Но это тема для отдельного разговора.

Музейно-диссидентская концепция не прижилась. Её вытеснила тема «русского Барбизона». И культурное строительство ожидаемо пошло под флёром Серебряного века. Так было в Большой России, так было и в нашем маленьком городке на берегу величавой Оки, несущей свои воды во Времени от Золотого века к Серебряному и дальше к Бронзовому.

Заболоцкий. Ключи от Бронзового века

Николай Заболоцкий – пожалуй, самая загадочная знаменитость советского периода русской литературы. Автор знаменитых «Столбцов», вначале обэриут, затем традиционалист, Заболоцкий провёл в Тарусе последние два года своей жизни. Лишь сегодня мы начинаем осознавать, что это не просто прекрасный русский поэт, но и открыватель целой эпохи. Именно он стал связующим звеном довоенной и послевоенной лирики и родоначальником поэтического взры-

ва 1960–1970-х, открыв нам ворота в Бронзовый век. Он сам переплавился – если использовать «металлическую» метафору – в лагерный период. Его стихи стали совершенно другими. И это говорит о его огромном таланте.

Вот он, как и положено поэту «бронзовому», перебрасывает мостик к Золотому веку. В данном случае в стихотворении «Одинокый дуб» – к знаменитому пушкинскому «Анчару».

Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепья

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.